

Я дал себе слово не служить ни партии, ни правительству

Немногие решатся поспорить с тем, что этот журналист - один из самых уважаемых телеведущих в России. С каждой новой авторской программой он совершенствует свое мастерство как ведущий и интервьюер. Вот уже несколько лет Владимир Познер ведет популярную аналитическую программу «Времена» и является президентом Российской телеакадемии. Наверное, влияние сразу трех стран - России, Америки и Франции - сделало из него человека неординарного, сформировало личность с элементами менталитета трех разных народов. Хотя Владимир Владимирович популярен среди российских зрителей достаточно давно, о нем самом мало что известно.

- Владимир Владимирович, хотелось бы узнать ваше мнение об относительно новом явлении на российском экране - о реалити-шоу. Отзывы телезрителей об этом виде программ зачастую противоречивы. Не кажется ли вам, что такое обилие этих проектов негативно отражается на вкусе людей, то есть портит его?

- Скорее всего, действительно, портит. Но нужно исходить из того, что в нашей стране, если говорить преимущественно о центральных каналах, существует только коммерческое телевидение. У нас нет государственного телевидения, потому что и госканалы живут за счет рекла-

мы и с точки зрения своего существования являются, несомненно, коммерческими. Настоящее государственное телевидение должно зависеть только от бюджета, от наших налогов. Коммерческое же телевидение стремится в обязательном порядке заработать как можно больше и, следовательно, ищет программы, которые пользуются широкой популярностью. Если у нас много реалити-шоу, то это только потому, что их смотрят. Если бы у этих передач, а это довольно дорогостоящие проекты, был низкий рейтинг, их бы исключили из эфира. Если же они, не отличаясь высоким уровнем вкуса, тем не менее пользуются большой популярностью, то, значит, у нашего зрителя соответствующие требования. Надо сказать, что коммерческое телевидение, как правило, не пытается поднимать уровень зрителя, а ищет общего знаменателя. Те люди, которые считают такие программы недостойными, остаются в меньшинстве, потому что будь они в большинстве, много некачественных программ давно бы исчезло.

Окончание на 14-й стр. ►

Владимир ПОЗНЕР: Я дал себе слово не служить ни партии, ни правительству

Моск. правда. — 2004. — 13 февр. — с. 1, 14

Начало на 2-й стр.

Вы заговорили о рейтингах. Можно ли доверять рейтингам, учитывая упомянутый невысокий уровень среднестатистического зрителя?

— Но на что-то все-таки полагаться надо. Опять-таки любое телевидение, а особенно коммерческое, хочет знать, пользуется оно популярностью или нет. Думаю, что сегодня люди, управляющие телевидением, не очень довольны системой рейтингов. Идет поиск такой организации, рейтингам которой можно будет безусловно доверять, у которой не будет собственного интереса менять рейтинги кому-то в угоду. На сегодняшний день есть три способа составления рейтингов. Первый — телефонный опрос, второй — ведение дневников семьей за определенную плату, третий — с помощью специального аппарата, который фиксирует включение-выключение телевизора. Суммарно это дает более-менее точную картину, которая соответствует действительности. Пока приходится полагаться на существующую систему рейтингов, хотя, возможно, изменится организация, занимающаяся их составлением. Но принцип останется тот же. Увы, уровень профессионального исполнения и популярность программ далеко не всегда совпадают. Скажем, есть канал «Культура», который с точки зрения вкуса отличается хорошим уровнем, а рейтинг этого канала — низкий.

За рейтингом программы «Времена» вы следите?

— И да, и нет. Если вдруг ее перестанут смотреть, значит, что-то не в порядке. Все-таки смысл программы — помочь понять российскому гражданину, что происходит в стране. Мы отдаем себе отчет в том, что это сугубо серьезная программа, а не развлечение, поэтому у нее не может быть того же рейтинга, что и у развлекательной программы. Но, к моему удовольствию, «Времена» имеют достойную аудиторию, которая иногда перекрывает развлекательные программы, несмотря на то, что мы выходим в эфир в ранний прайм-тайм.

Наверняка есть отдельные рейтинги каждой вашей передачи. По ним можно судить о том, какие темы наиболее интересны сегодня россиянам?

— Можно. Но очень многое зависит от гостей программы. Тема часто сама по себе имеет рейтинг. Но если через пять-семь минут становится понятно, что люди, которые пришли на программу, неинтересны, то тема не спасает. А вот если участники интересные, если возникает напряжение, спор, тогда рейтинг высокий. Например, когда мы подводили итоги года, пригласили с одной стороны политологов, с другой — писателей. В первой части программы выступили одни, во второй — другие. Тогда был очень высокий рейтинг. Эти люди говорили нестандартные вещи нестандартным языком и к самой проблеме подошли небанально.

Некоторые ведущие в конце программы пытаются подвести зрителя к какому-то выводу. Как вам кажется, должен ли ведущий, суммируя высказывания гостей, все-таки обозначать свое отношение к проблеме?

— Нет. Мне кажется, что вывод должен сделать зритель. Я в конце программы обычно произношу монолог, но необязательно по теме программы. Это не подведение итогов. А если ведущий пытается высказать свою позицию, то это уже навязывание собственного мнения, давление. Гораздо лучше, когда зритель сравнивает мнения гостей и сам приходит к нужным выводам.

Тем не менее позиция ведущего все равно будет просматриваться. Вы, например, даже можете ничего не говорить, а просто многозначительно поднять брови. В этом случае ваша реакция понятна.

— Сидеть с «покрытым» лицом и задавать нейтральные вопросы я считаю даже странным. Если у меня на лице проявляется некоторое недоверие или сомнение, не вижу в этом большой беды. Мое дело — дать высказаться каждому. Если человек не отвечает на вопрос, я пытаюсь загнать его в угол, чтобы вынудить дать ответ. По тому, как он отвечает, можно сказать, компетентен ли человек, какова его точка зрения.

Количество академиков с каждым годом растет, и вы это приветствуете, а качество телевидения все-таки падает. Нет ли здесь противоречия?

— Во-первых, нужно осторожно об-

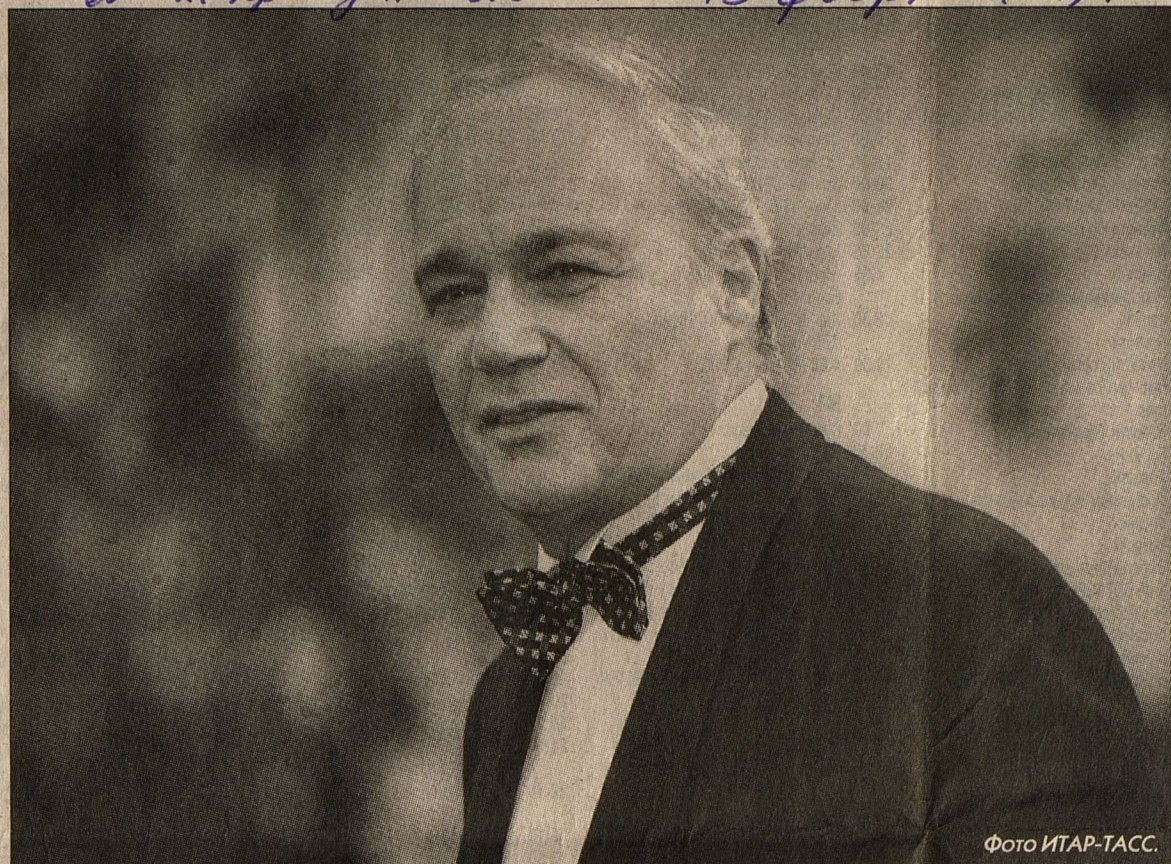

Фото ИТАР-ТАСС.

ращаться со словом «академики». Традиционно в России академия, если не считать учебные заведения, — нечто элитарное, куда попадают лучшие из лучших. Я склонен понимать академию, как в Америке, то есть как группу людей, которая занимается отбором лучших программ и вручает премии. Это профессиональный приз. Этим должны заниматься все люди, работающие на телевидении. Я сторонник того, чтобы в нашей академии было несколько тысяч человек. Сделать это очень трудно, потому что это огромная организационная работа, требующая больших денег, которых у нас в таком количестве нет. Кстати, уже три года число академиков не увеличивается, сейчас их около ста человек. Никакой зависимости между количеством этих людей и качеством телевидения нет. Важно, чтобы те программы, которые получают «ТЭФИ», были высокого уровня. Мне кажется, что на круг так и происходит. Я не могу сказать, что уровень телевидения снижается. Оно становится все более развлекательным, похожим в этом смысле на телевидение Италии. Это меня огорчает, потому что телевидение должно не только развлекать, но и информировать, просвещать. Если с информацией еще более-менее, скорее даже менее, потому что на всех каналах она похожа, то с просвещением совсем плохо. И все это результат коммерциализации телевидения. Правда, многосерийный фильм «Идиот», который победил в нескольких номинациях, дает надежду, что наш зритель готов смотреть прекрасные работы серьезного свойства, потому что его рейтинг был очень высок. Надеюсь, что теперь на телевидении появятся подобные проекты.

Говорят, в Америке, если покажут сериал с участием какого-то актера, то одновременно на других каналах не может идти еще несколько сериалов с его же участием. У нас этот принцип явно не соблюдается.

— Возможно, это происходит от бедности. В США такая ситуация может сложиться, только если на основном телевидении идет новый сериал с определенным актером, а на кабельном показывают повтор старого с его участием. Тогда могут быть совпадения. Но исключена возможность участия актера в нескольких новых сериалах. Этого просто не допускают телевизионные организации, которые платят актеру деньги. Еще возникновение этого явления у нас, на мой взгляд, связано с тем, что зрительно, по-видимому, это не мешает. Поэтому популярного актера стремятся задействовать везде. Это плохой признак. Думаю, что с развитием телевидения проблема постепенно уйдет.

В вашей Школе телевизионного мастера могут обучаться только слушатели из регионов. Значит ли это, что уровень московского центрального телевидения вы считаете достаточно высоким?

— Россия — государство централизо-

ванное, все решается в столице. В результате происходит обеднение регионов, что плохо. Соответственно, уровень регионального телевидения оставляет желать лучшего. Цель школы — бороться с этим явлением и добиться, чтобы региональное телевидение по своему профессиональному уровню стало ничуть не хуже центрального. Когда появилось множество местных телевизионных компаний, обнаружилось, что для них просто не хватает кадров, поэтому привлекли совершенно непрофессиональных людей. Они не журналисты и не понимают свою ответственность. Уже сейчас в регионах есть превосходное телевидение, но далеко не все. Это не значит, что в Москве все замечательно, но здесь больше возможностей, чем там. Поэтому мы пытаемся поднять уровень именно местного телевидения. Кроме того, человек должен больше доверять региональному телевидению, которое затрагивает локальные проблемы.

Не считаете ли вы, что в Москве сейчас такое количество каналов, которым тоже не хватает профессиональных людей? Может быть, их число стоит сократить?

— Если коммерческий канал не пользуется успехом, то он сам со временем исчезает. Если его смотрят, значит, этот уровень удовлетворяет потребностям зрителя. Я могу согласиться, что не все московские каналы отличаются высоким уровнем, но было бы странно их закрывать.

Когда канал НТВ принадлежал Гусинскому, вы говорили, что это самый лучший канал в России. Со сменой руководства ваше мнение о канале тоже изменилось?

— Да. С точки зрения профессиональной это был самый лучший канал. Уровень производства не имел себе равных в России. Сегодня это уже не так. Я продолжал считать, что новости на НТВ отличались, и убежден, что это результат того, что там работают такие люди, как Татьяна Миткова, Петр Орлов, Леонид Парфенов. Но если говорить вообще, то НТВ не отличается от других, возможно, даже в чем-то проигрывает.

То есть в число людей, которых вы считаете профессионалами, входят и ваш пасынок Петр Орлов?

— Я не хочу играть в ложную скромность и способен оценить уровень человека вне зависимости от отношений с ним. Я считаю, что он весьма профессионален и в информации является одним из лучших журналистов. Но особенно высоко ставлю Миткову.

Можно ли сказать, что Первый канал сегодня в плане профессионализма, преподнесения информации выигрывает у НТВ? Не зря же вы избрали его местом своей нынешней работы?

— Я не работаю на Первом канале. Он у меня просто покупает программу. Там у меня нет ни офиса, ни служебного автотранспорта. Мое отношение к Первому каналу не есть отношение к работнику к нему. Я рад, что «Времена» выходят на нем, потому что это канал с наибольшим покрытием, значит, потенциально я имею самую большую аудиторию, к чему я и стремлюсь.

Другие каналы пытались перекупить вашу программу?

— Нет. Полагают, что не согласится! Затрудняюсь сказать, почему. Многие знают мои принципы и понимают, что просто манить меня большими деньгами бессмысленно. Я очень хорошо, свободно себя чувствую во взаимодействии с Константином Эрнстом. Я не уверен, что на других каналах все было бы так же.

Какие события или обстоятельства, не соответствующие вашим принципам, убеждениям, могут вынудить вас оставить работу в России и уехать за границу? Вы вообще видите себя в роли эмигранта?

— Да. Я ведь в какой-то степени эмигрант в отношении России. Я приехал сюда в девятнадцать лет, поэтому представляю себе, что могу вернуться во Францию или США. Я проработал в Америке с 1991 по 1996 год именно потому, что считал невозможным работать в России. Я ушел из Гостелерадио из-за столкновения с тогдашним председателем господином Кравченко. Тогда я увидел, что мне не дают работать и мешают делать то, чего бы я хотел. Но тогда я еще не знал, что меня пригласят в США. Если такой захочет повториться, то я, разумеется, уйду. Какие за этим последуют шаги, пока сказать не могу. В течение долгих лет я был пропагандистом, работал на иностранцев, на Америку. Часто появлялся на американских экранах из Москвы, потому что был невезедным. Я был убежденным сторонником социализма,

советской системы. Думал, что эту идею нужно защищать. Поскольку я был убежденным в отличие от многих и отлично понимал слушателя в Америке, потому что там вырос и рассуждаю так, как они, был действительным пропагандистом. Этого мне многие до сих пор простить не могут. По мере понимания того, что идея имеет мало общего с реальностью, что на самом деле я занимаюсь не благим делом, пытался найти оправдание, но когда все мои доводы в защиту иссякли, понял, что этим больше заниматься нельзя. Я себе дал слово, что больше не буду служить ни партии, ни правительству. То, что я сделал, было грехом. Я его себе не простил. Поэтому теперь я пытаюсь работать только на зрителя. Если меня опять попытаются превратить в пропагандиста, я на это не пойду никогда и ни при каких обстоятельствах. Это будет означать мою моральную гибель.

Какая страна вам все-таки ближе по духу?

— Дольше я жил в Америке, но во Франции я родился. Во Франции я себя чувствую необыкновенно хорошо, мне там уютно. Там мне приятен сам воздух, чего я не могу сказать ни о России, ни об Америке. Поэтому с точки зрения внутреннего комфорта ближе все-таки Франция, хотя я очень люблю и хорошо знаю и Америку, и Россию.

Большинство зрителей в России все-таки склонны считать вас россиянином. Как вы полагаете, для американцев или французов вы тоже свой?

— Если человек не знает моей биографии, то принимает за своего. Ведь судят, во-первых, по языку. Кроме того, есть много других вещей, например, жесты. Даже считают все по-разному, когда пользуются пальцами: русские загибают, американцы, наоборот, открывают. Удивительно, но в зависимости от языка, на котором я говорю, меняю. Даже моя жена говорит, что у меня от этого лицо другое делается. Те, кто знает мою историю, могут представить меня и как русского журналиста. И потом главное то, кем ты себя ощущаешь. Я не могу считать себя сто процентов ни американцем, ни французом, ни русским. Наверное, я космополит. Находясь в одной из этих стран, мне всегда не хватает других. Но, находясь в любой из них, я не испытываю ощущения, что я чужой, что было бы очень тяжело. Я испытываю такое ощущение, когда приехал в Россию и очень плохо говорил по-русски, чувствовал себя чужим, но ужасно хотелось быть своим. Это было тяжело.

Вернемся к вашей мысли о том, что если вам не дадут свободно работать в России, вы уйдете. Согласны ли вы с тем, что события прошедшего года во внутренней политике создали почву для мыслей о наступлении диктатуры в России?

— Нет. А вот почву для мыслей об авторитарности — возможно. У меня есть такие опасения. Президент Путин — несомненный патриот России, желающий, чтобы Россия воспряла, чтобы людям было хорошо здесь жить. Чем-то он напоминает мне Шарля де Голля. Он отождествлял себя с Францией, безумно ее любил. Когда он стал президентом, считал, что Франция вручена ему судьбою и его долг сделать для нее все. К счастью, он немало для нее сделал. Однако он был авторитарен. Но во Франции давно существует организованная демократическая система, поэтому де Голль все-таки не мог делать все, что ему захочется. В России такой системы пока нет. Путин будет делать то, что считает нужным для благополучия России. Если нет сдерживающих факторов, то все это может превратиться в авторитарность, что очень опасно.

Как-то вы сказали, что в России свободы слова даже больше, чем в Америке. Может быть, пока это происходит потому, что в новой обстановке власти еще не выработали достаточно четкие механизмы контроля?

— Сегодня я бы уже так не говорил о свободе слова применительно к телевидению. Америка просто испугалась после теракта 11 сентября. Она не привыкла бояться. Другие страны, которые пережили войну на своей территории, не так устроены, и страх не столь для них характерен. Поэтому любая критика Буша, политики правительства воспринимается как что-то антипатриотическое. Считается, что это на руку врагам. Но если взять прессу, то в России она есть и крайне левая, и, на мой взгляд, неонацистская, и средняя, какой в Америке нет. Там нет крайне правой и левой прессы. Коридор значительно уже, чем в России. Так что у прессы в России больше свободы, но не у телевидения. Когда было старое НТВ, мнение на каналах было разным

и порой парадоксальным. Я не сторонник оппозиционного телевидения, даже не знаю, где оно существует. Но у нас почти нет телевидения даже просто с разными мнениями. Думаю, что происходящее в Америке — явление временное, и оно будет побеждено глубинной демократической традицией. У нас такой традиции нет и, когда нераскрытый опрос показывает, что 76 процентов россиян за введение цензуры, это говорит об опасном явлении. Правда, за политическую цензуру высказалось только три процента. Чаше речь все-таки идет о насилии на экране, откровенном сексе. Но в отсутствие демократических традиций зажим опасен, потому что нет противодействия. Уход от демократической системы опасен тем, что нет рычагов для возвращения к ней.

Как, на ваш взгляд, могут ли власти запутать людей, выдавая введение цензуры политической за создание цензуры, если можно так сказать, этической?

— Безусловно. Более того, если я не ошибаюсь, председатель Совета Федерации господин Миронов высказался за цензуру. Это плохой сигнал. Если и вмешиваться, то этим должно заниматься не правительство, а само телевидение путем создания общественных советов, которые существуют в других странах. Это должно быть изнутри, а не снаружи. Попытка контролировать любое СМИ властью пагубна, причем не только для страны в целом, но и для самой власти.

Несколько лет назад в интервью вы сказали, что Русская православная церковь тормозит развитие страны. За это на вас даже чуть было не подали в суд. Ваше мнение неизменно или вы теперь предпочитаете не высказываться на эту тему, наученные неприятным опытом?

— Я, как и любой гражданин, имею право на свое мнение, которое может не нравиться церкви. И что? А мне иногда не нравится, что говорит патриарх, но я не стал бы на него за это подавать в суд. Мне представляется, что взгляды церкви являются реакционными. Например, идея о народе-богослове или о народе, избранном Богом. Кроме того, стоит заметить, что сам Бог не исповедует никакой религии. Это хорошо бы запомнить. Глядя на историю России, я вижу роль церкви как негативный фактор и могу обосновать эту точку зрения. Пожалуй, впервые эта мысль возникла, когда я прочитал философские письма Чаадаева, который придерживался такого же мнения. Мне кажется, он является одним из величайших умов России.

Охотно ли вы выслушиваете критику в свой адрес? К чьему мнению прислушиваетесь?

— К критике отношусь лояльно. Я плохо воспринимаю желание «молчать». На это стараюсь не реагировать. Мнение некоторых людей для меня очень важно, их я всегда выслушиваю, часто им за него благодарен. Что касается телевизионной критики, то у меня есть некоторые сомнения в компетентности многих критиков...

В команде, которая с вами работает над программой «Времена», действует, по большей части, авторитарный принцип работы?

— Есть руководители программы, шеф-редактор и я. Идею следующей программы подаем мы втроем. По средам мы встречаемся для обсуждения новой передачи с Константином Эрнстом, который ее покупает у нас и имеет право знать, за что он платит деньги. Как правило, никаких возражений против наших идей у него не возникает. У нас хорошая работающая команда из пятнадцати человек, каждый из которых профессионал. За ними я себя чувствую как за каменной стеной.

Как вы относитесь к пародиям на себя? Достаточно ли они талантливы?

— Отношусь положительно, если это смешно и талантливо сделано. Даже пригласил господина Белоголовцева в одну из программ, чтобы он меня изобразил. В Америке говорят, что нет плохих статей, кроме некролога. Если тебя обсуждают, это уже хорошо.

В этом году на премии «ТЭФИ» была введена новая система голосования. Как вы ее оцениваете?

— Мне она очень нравится. В ней есть интрига, она по-настоящему телевизионная.

Вижу у вас на столе книгу о здоровье питания. Большое внимание уделяете здоровью образу жизни?

— В данном случае это книга моей супруги. Но я считаю, что на экране человек должен выглядеть привлекательно. Я слежу за тем, что я ем, люблю вкусно, но здоровью еду — благодаря моей маме. Конечно, стараюсь следить за весом. Могу точно сказать, что никогда не увлекался фаст-фудом.

И еще у вас большая коллекция кружек. Что подвигло вас собирать?

— Каждая из них имеет название того места, где я был. Но здесь их вдвое меньше, чем мест, где я побывал, потому что не везде они продаются. Это даже не коллекция, просто мне приятно их собирать как память.

Отдыхать любите каждый раз в новых местах или в привычных?

— Одно любимое место у меня нет. Стремлюсь постоянно открывать новые. Это очень много дает для моего развития. Но, честно говоря, предпочитаю отдыхать в Европе: Франции, Италии. Поражаюсь тому, как итальянцы могли сохранить в отличном состоянии постройки прошлых столетий, причем внутри них все современно и удобно. Даже во Франции такого нет. Испания тоже очень интересная страна. С удовольствием вспоминаю путешествие по Юго-Восточной Азии, но она представляет для меня только академический интерес. К сожалению, не был в Китае и Индии. Но туда нужно ехать на месяц, чтобы хорошо ознакомиться со страной.

Какая у вас мечта в профессиональном плане?

— У меня есть два проекта, для которых нужны инвесторы. Подробнее о них пока говорить не хочу. Надеюсь, что когда-нибудь смогу их осуществить.

Инна ШКАРБАНОВА.

персональная анкета

Мое любимое место в Москве нет

Основная черта моего характера терпение

Лучший отдых для меня путешествовать

Моя вредная привычка слишком много думать

Мое настроение зависит от семьи, работы, обстановки в стране

Я бы пожертвовал всем ради благополучия тех, кого люблю

Я больше всего не люблю лицемерие

Я не был бы счастлив, если бы не было семьи и любимой работы